

БАЛЕЕВСКАЯ Татьяна Андреевна,
Магистрант Юридического факультета,
Гатчинский государственный университет,
e-mail: tatyana baleevskaya@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И МЕСТО ДОБРОСОВЕСТНОСТИ В СИСТЕМЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Аннотация. В настоящей статье на основе анализа доктрины и судебной практики исследуется правовая природа и место добросовестности в системе современного гражданского права России. Рассмотрены различные подходы к пониманию добросовестности в доктрине гражданского права. Анализируется возможность отнесения категории добросовестности к одному из классических структурных элементов системы права. Работа позволяет глубже понять механизм правового регулирования добросовестности.

Ключевые слова: добросовестность, объективный стандарт, принцип права, презумпция добросовестности, структурная единица.

Для цитирования: Балеевская Т. А. Правовая природа и место добросовестности в системе гражданского права // Образование и право. 2026. № 10. С. 623–628.

BALEEVSKAYA Tatyana Andreevna,
Master's Student Faculty of law
Gatchina State University

THE LEGAL NATURE PLACE OF GOOD FAITH IN THE CIVIL LAW SYSTEM

Annotation. This article examines the legal nature and place of good faith within the modern Russian civil law system, based on an analysis of legal doctrine and judicial practice. Various approaches to understanding good faith in civil law doctrine are considered. The article analyzes the possibility of classifying the category of good faith as one of the classical structural elements of the legal system. The study provides a deeper understanding of the mechanism of legal regulation regarding good faith.

Key words: good faith, objective standard, legal principle, presumption of good faith, structural unit.

For citation: Baleevskaya T. A. The legal nature place of good faith in the civil law system. Education and law. 2026;(10):623–628. (In Russ.).

Динамичное развитие и усложнение общественных отношений представляют собой условия, при которых возрастает необходимость развития универсальных принципов, способных обеспечить защиту прав граждан и юридических лиц в ситуациях, когда законодательство еще не выработало конкретную правовую норму. Таким регулятором является добросовестность.

Категория добросовестности в современном российском гражданском праве занимает особое место в понятийном аппарате. По частоте упоминания она сопоставима с фундаментальными конструкциями, формирующими его каркас, позволяющими регулировать имущественные и личные неимущественные отношения, обеспечивая

стабильность и предсказуемость гражданского оборота. Тем не менее, легального определения термина «добросовестность», как и однозначного понимания её места в системе права в качестве структурной единицы нет ни в законодательстве, ни в науке. Соответственно, чем чаще употребляется понятие «добросовестность», тем менее определенной становится её юридическая природа. Таким образом, одна из наиболее востребованных категорий гражданского права остается в то же время одной из наименее формализованных.

В этой связи заметим, что, строго говоря, добросовестность не вписывается в классическую «пирамиду» источников права романо-

германской системы, к которой принадлежит правовая система России. Это не норма, установленная государством, а **оценочная категория**, идея, которая помогает праву быть гибким, корректирует применение закона в конкретных случаях, когда его буква ведёт к несправедливости.

Анализ гражданско-правовых норм указывает на явное наличие добросовестности на нескольких уровнях: во-первых, это принцип, во-вторых, презумпция, в-третьих, субъективное состояние. Более того, добросовестность выступает в роли и объективной характеристики, и субъективной, что в том числе не позволяет отнести её к регулятору однородных групп отношений.

Принцип добросовестности можно описать как сквозной, он не имеет однозначной связи с отдельными структурными единицами системы права, а наполняет их конкретным содержанием при правоприменении.

Принцип добросовестности имеет долгую историю становления. Развитие добросовестности в римском праве указывает на возможность трансформации нравственно-этической идеи в самостоятельный правовой механизм. Истоками категории добросовестности является концепция *fides*, возникшая в архаичный период развития римского права и выражавшая глубокое чувство причастности к общине (*civitas*), верность её традициям и осознание долга перед семьёй (*familia*). Это было внутреннее обязательство, основанное на традициях предков. Нарушение *fides* влекло не судебное наказание, а общественное порицание и утрату репутации, что считалось самым тяжким наказанием. С развитием общества, ростом торговли и усложнением общественных отношений *fides* постепенно проникла в право, трансформировавшись в ключевой правовой принцип **bona fides** («добрая совесть»). Со временем сформировалось современное понимание добросовестности как о принятом социально одобряемом поведении людей.

В дореволюционной цивилистике добросовестность традиционно рассматривалась как субъективное состояние лица, когда он не знал и не мог знать об обстоятельствах, влекущих за собой правовые последствия. Видным сторонником такого понимания добросовестности являлся Г.Ф. Шершеневич. Он относил добросовестность к субъективному отношению лица к своему собственному поведению без опоры на установленные в законе стандарты. Это может быть как осознание лицом произошедшего, так и незнание фактических обстоятельств, имеющих юридическое значение [3, с. 450].

Иной подход к пониманию добросовестности изложил И.Б. Новицкий, обосновавший необхо-

димость разграничения понятий объективной и субъективной добросовестности. В работе «Принцип доброй совести в проекте обязательственного права» И.Б. Новицкий отмечает объективную сторону добросовестности как мерило, которое используется судом, как внешний стандарт, которому должны следовать участники гражданских правоотношений. Субъективная добросовестность, по И.Б. Новицкому, — это определённое психическое состояние лица: его незнание (неведение) тех или иных обстоятельств, с которыми закон связывает юридические последствия его действий, что им рассматривалось как «извинительное заблуждение» [2].

В советском законодательстве принцип добросовестности как предписание к поведению участников гражданского оборота отсутствовал. Основной причиной тому была причина идеологическая, влияние которой на правовую доктрину было определяющим. Добросовестность **рассматривалась как буржуазный пережиток**, несовместимый с принципами социалистического общества. Так, В.П. Грибанов отмечал, что принцип доброй совести характерен для буржуазного гражданского законодательства, допускающего возможность субъективного, произвольного его толкования буржуазным судом [3, с. 248].

Уже в первом советском Гражданском кодексе РСФСР 1922 года, в статье 1 просматривалась попытка замещения принципа добросовестности идеологическими ценностями общества. В ней говорилось, что гражданские права охраняются законом, за исключением тех случаев, когда они осуществляются в противоречии с их социально-хозяйственным назначением. Ясно, что принципу добросовестности при такой трактовке охраны прав места нет.

Тот же подход демонстрировал и Гражданский кодекс РСФСР 1964 года. В ст. 1 закреплялось положение о регулировании имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений в целях создания материально-технической базы коммунизма, а ст. 5 требовала при осуществлении прав «уважать правила социалистического общежития и моральные принципы общества». Однако полностью исключить категорию добросовестности (и её противоположности – недобросовестности) из Гражданского кодекса не удалось. Она использовалась в регулировании приобретения имущества (ст. ст. 152, 154, 155), сделок, совершенных под условием (ст. 61), возврата неосновательно приобретенного имущества (ст. 474).

Таким образом, советский период характеризуется двойственностью: на доктринальном уровне и уровне общих положений принцип доб-

росовестности отрицается, на уровне отдельных институтов действовавшего законодательства эта категория сохранялась. Во многом невозможность полного отказа от принципа добросовестности предопределила его возвращение в современное гражданское право России. Проведенный анализ указывает на то, что добросовестность не была статичной структурной единицей, она меняет содержание и по отношению к субъекту – участнику правоотношений, и по отношению к социуму – ценностям и социальным устоям общества. Кроме того, с пониманием природы добросовестности, а также принятой в обществе идеологии менялся и статус конструкции, и наличие её в законодательстве как объективного начала гражданского права. Вместе с тем исторический анализ не позволяет дать определенный ответ о природе добросовестности и её месте в системе права.

В качестве правовой конструкции добросовестность в настоящее время наиболее явно проявляется в гражданском праве, однако не ограничивается его пределами, а приобретает межотраслевой характер, охватывая такие отрасли российского законодательства как налоговое, семейное, трудовое, административное, процессуальное.

Принципиально важно разграничить добросовестность как принцип и как презумпцию. В п. 3 и 4 ст. 1 ныне действующего Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), добросовестность закреплена в качестве одного из основных начал, а значит и принципов гражданского законодательства, который пронизывает всю отрасль, отражает его сущность и наиболее существенные свойства. Можно сказать, что добросовестность выступает ориентиром (вектором) поведения, это требование, распространяющееся на всех участников гражданских правоотношений. В Постановлении Пленума Верховного Суда России № 25 от 23.06.2015 указывается, что добросовестность как ожидаемое поведение является критерием оценки действий сторон. Таким образом, в настоящее время исследуемое понятие в рамках российского законодательства и правоприменительной практики представляет собой диалектическое единство субъективного и объективного начал.

Категория добросовестности в Гражданском кодексе представляет собой не только принцип, но и презумпцию, закреплённую в п. 5 ст. 10 ГК РФ. В отличие от добросовестности как принципа здесь добросовестность выступает как предположение, характеризующее действия участников гражданских правоотношений. Проще говоря, закон исходит из того, что люди и юридические лица действуют добросовестно и разумно, пока не доказано обратное. Тем самым, добросовестность приобретает процессуальное значение.

Несмотря на различия, оба понятия добросовестности находятся в системном единстве. Ключевым звеном, связывающим принцип и презумпцию, выступает частичный или полный отказ в защите прав лица, нарушившего требования добросовестности.

Методом случайной выборки нами были проанализированы 15 опубликованных постановлений судов общей юрисдикции, содержащих ссылку на статью 10 ГК РФ, либо применявших логику её действия. Выборка не является репрезентативной, однако отражает актуальные тенденции и подходы применения презумпции добросовестности. Проведенный анализ правоприменения позволяет выделить две функциональные особенности презумпции добросовестности: охранительную и контрольную.

Охранительная функция презумпции выступает в роли «процессуального щита» для добросовестной стороны, которая освобождается от бремени доказывания своей честности. Доказательства, указывающие на злоупотребление правом (недобросовестность), обязана представить сторона, заявившая о недобросовестности, при этом пока не доказано иное, суд учитывает действие презумпции разумности и добросовестности участников [12]. Данный подход наиболее часто прослеживается в спорах о неосновательном обогащении [4], договорных [6] и кредитных спорах [7].

Контрольная функция презумпции заключается в том, что при наличии доводов о злоупотреблении суд проверяет их, и в случае наличия доказательств, свидетельствующих об отклонении поведения от принятого стандарта добросовестности, отказывает в защите права. Наиболее явно данная функция проявляется в спорах о признании мнимой сделки недействительной, поскольку предполагает определение и оценку субъективной направленности действий сторон сделки – их воли и добросовестности. Например, в решении Алапаевского городского суда Свердловской области № 2-492/2025 от 13.02.2026 ответчики заявляли о своей добросовестности несмотря на то, что была совершена мнимая сделка с продажей автомобиля и дальнейшей перепродажей с недобросовестной целью – сокрытия имущества, подлежащего конфискации [9]. Именно благодаря установлению фактической цели сделки, была установлена недобросовестность покупателей и продавца. Аналогичный подход прослеживается в делах об оспаривании договоров, в том числе дарения [10], в спорах об использовании договорных конструкций для исключения административной ответственности [5], спорах по банкротству [8].

Судебной практикой предъявляется высокий

стандарт доказывания при опровержении презумпции добросовестности. Для доказательства недобросовестности одной из сторон необходимо предоставить не просто одно или два доказательства, а целую совокупность фактов, которые бы свидетельствовали о ненадлежащем поведении. При этом эти факты должны иметь определённую достаточность и взаимную связь в их совокупности, поскольку факт, рассмотренный изолированно от других, может быть объяснен добросовестными мотивами, в то время как их совокупность указывает на явную недобросовестность. Данное требование закреплено в ч. 3 ст. 67 ГПК РФ и ч. 2 ст. 71 АПК РФ). Важность учёта его при рассмотрении споров в суде проиллюстрировано в Постановлении Президиума ВАС РФ от 18.12.2001 № 1322/01. Суть дела состояла в том, что истец-налогоплательщик требовал признать уплату налога состоявшейся, поскольку деньги были списаны с его расчётного счёта. Суды нижестоящих инстанций согласились с налогоплательщиком, однако Президиум ВАС РФ отменил состоявшиеся решения, указав, что суды не дали оценки обстоятельствам в их взаимной связи:

- расчётный счёт в банке был открыт незадолго до спорных операций (при том, что у налогоплательщика имелись счета в других банках);
- сразу после открытия счёта были заключены кредитные договоры с тем же банком;
- операции по кредитным договорам проводились одновременно с направлением в банк платёжных поручений на уплату налога.

Все эти операции производились при отсутствии денежных средств на корреспондентском счёте банка — то есть деньги фактически в бюджет не поступали. Каждый факт по отдельности мог иметь добросовестное объяснение: открыть новый счёт — нормальное деловое решение; получить кредит в том же банке — распространённая практика; направить платёжное поручение — исполнение налоговой обязанности. Но в совокупности эти обстоятельства указывали на согласованную схему: налогоплательщик и банк намеренно создали ситуацию формального наличия средств на счёте, чтобы получить видимость уплаченного налога, не перечислив реальных денег в бюджет.

Таким образом, добросовестность как презумпция и как принцип имеют неразрывную взаимосвязь. При правоприменении суды рассматривают их в единой системе, однако категорию добросовестности как конструктивную единицу гражданского права невозможно определить как правовую норму, это более широкое понятие. По природе своего содержания добросовестность может выступать как субъективная и объективная категории [11].

Субъективная добросовестность — это внутреннее состояние человека, его осведомлённость (или неосведомлённость) о каких-то юридически важных фактах. Ключевая формула здесь: **«не знал и не должен был знать»**. То есть речь об *извинительном незнании*. Если человек, действуя разумно и осмотрительно, объективно не мог получить информацию о каком-то обстоятельстве (например, о том, что продавец вещи не имел права её отчуждать), и из-за этого совершил сделку — его могут признать действовавшим добросовестно.

Объективная добросовестность — это не внутренние переживания, а оценка поведения человека со стороны: соответствует ли то, как он поступил, неким внешним, общепринятым стандартам честного и разумного поведения в подобных ситуациях. То есть вопрос в том, действовал ли участник правоотношения так, как от любого разумного и честного участника оборота ожидали бы в сопоставимых обстоятельствах. В российском праве это, в частности, закреплено в п. 3 ст. 307 ГК РФ и прокомментировано в п. 1 Постановления Пленума ВС РФ № 25 от 23.06.2015 года, в котором указывается, что при оценке действий сторон как добросовестных или недобросовестных судам следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, устанавливать, учитывались ли права и законные интересы другой стороны, оказывалось ли ей содействие, в том числе в получении необходимой информации [1].

Как субъективная, так и объективная добросовестность не исключают друг друга, а часто переплетаются. При оценке ситуации суд может сначала посмотреть на поведение объективно (соответствует ли оно стандарту), и уже в рамках этого анализа разобраться, было ли у человека реальная возможность узнать о каких-то фактах (то есть перейти к субъективному аспекту). Например, если человек утверждает, что не знал о пороке сделки, суд проверит: а должен ли он был проявить должную осмотрительность и узнать об этом? Получается - субъективная добросовестность отвечает на вопрос «что было в голове у человека?», а объективная — «как его поступки выглядят со стороны и соответствуют ли они принятым нормам?».

Таким образом, многогранность и дуализм добросовестности проявляются на всех уровнях этой категории. Объективный стандарт выступает инструментом проверки субъективного состояния, который в свою очередь конкретизирует объективную добросовестность.

Проведенный анализ категории добросовестности позволяет сделать следующие выводы

о её правовой природе и месте в системе права:

Добросовестность не является нормой права, по форме выражения, она существует в трех плоскостях правового регулирования: в качестве принципа, презумпции, субъективного состояния, каждая из которых имеет собственную функцию и механизм действия.

Добросовестность невозможно представить в виде института права, который призван регулировать однородную группу отношений.

Добросовестность не ограничивается только оценочной функцией, а обладает нормативным закреплением, имеет механизмы применения.

Принцип добросовестности носит надотраслевой характер в то время, как презумпция добросовестности и субъективная добросовестность являются исключительно гражданско-правовыми категориями.

Принцип добросовестности работает в разных отраслях права, но не одинаково — в каждой он приобретает свою специфику, а его содержание конкретизируется через отраслевые нормы и судебную практику.

Таким образом, категория добросовестности не может быть сведена лишь к одной из своих форм, они находятся в постоянном взаимодействии, ни одна из них не исчерпывает содержание категории, а лишь отражает грань, в то время как добросовестность остается целостным правовым феноменом.

Список литературы:

- [1] Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. — М.: Статус. — 2020. — С. 41.
- [2] Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. — 1916. — № 6. // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=20421> (дата обращения: 05.08.2026).
- [3] Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права в 2 т. Том 2. (Антология мысли). Особенная часть / Г. Ф. Шершеневич. — Москва : Издательство Юрайт, 2025. — С. 22.
- [4] Решение Кировского районного суда г. Томска по делу № 2-618/2026 (2-3346/2025) от 17.03.2026 // Судебные решения Российской Федерации. URL: <https://судебныерешения.рф/94754126> (дата обращения: 05.08.2026).
- [5] Решение Верховного Суда Республики Татарстан по делу № 77-201/2025 от 12.03.2025 // Судебные решения Российской Федерации. URL: <https://судебныерешения.рф/88626706> (дата обращения: 05.08.2026).
- [6] Апелляционное определение Брянского областного суда по делу № 33-153/2026

от 26.02.2026 // Судебные решения Российской Федерации. URL: <https://судебныерешения.рф/94099395> (дата обращения: 05.08.2026).

[7] Апелляционное определение Калужского областного суда по делу № 33-448/2026 от 24.02.2026 // Судебные решения Российской Федерации. URL: <https://судебныерешения.рф/94774464> (дата обращения: 05.08.2026).

[8] Апелляционное определение Иркутского областного суда по делу № 33-2305/2026 от 24.02.2026 // Иркутский областной суд. URL: https://oblsud--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=74470294&case_uid=09d2c1e0-7403-4379-8717-18e07f22786a&result=1&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 05.08.2026).

[9] Решение Алапаевского городского суда Свердловской области по делу № 2-9/2026 (2-492/2025) от 13.02.2026 // Судебные решения Российской Федерации. URL: <https://судебныерешения.рф/89357739> (дата обращения: 05.08.2026).

[10] Апелляционное определение Верховного Суда Чеченской Республики по делу № 33-132/2026 от 12.02.2026 // Верховный Суд Чеченской Республики. URL: https://vs--chn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=2991136&case_uid=96d76747-f00b-4a40-bfc3-c29603f4ff7d&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 05.08.2026).

[11] Решение Замоскворецкого районного суда по делу № 02-304/2026 от 30.01.2026 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/civil/details/00029fe1-9d4d-11f0-b949-c1eecd112e07?caseNumber=02-304/2026> (дата обращения: 05.08.2026).

[12] Решение Ленинского районного суда г. Нижний Новгород по делу № 2-15/2026 (2-1974/2025) от 23.01.2026 // Судебные решения Российской Федерации. URL: <https://судебныерешения.рф/88937943> (дата обращения: 05.08.2026).

References:

- [1] Gribanov V.P. Exercise and Protection of Civil Rights. — Moscow: Status. — 2020. — p. 41.
- [2] Novitsky I.B. The Principle of Good Faith in the Draft Law of Obligations // Herald of Civil Law. — 1916. — No. 6. // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=20421> (accessed: 05.08.2026).
- [3] Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law (in 2 volumes). Volume 2: Special Part. —

Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. — p. 22.

[4] Judgment of the Kirovsky District Court of Tomsk in case No. 2-618/2026 (2-3346/2025) dated March 17, 2026 // Judicial Decisions of the Russian Federation. URL: <https://судебныерешения.рф/94754126> (accessed: 05.08.2026).

[5] Judgment of the Supreme Court of the Republic of Tatarstan in case No. 77-201/2025 dated March 12, 2025 // Judicial Decisions of the Russian Federation. URL: <https://судебныерешения.рф/88626706> (accessed: 05.08.2026).

[6] Appellate Ruling of the Bryansk Regional Court in Case No. 33-153/2026 dated February 26, 2026 // Judicial Decisions of the Russian Federation. URL: <https://судебныерешения.рф/94099395> (accessed: August 5, 2026).

[7] Appellate Ruling of the Kaluga Regional Court in Case No. 33-448/2026 dated February 24, 2026 // Judicial Decisions of the Russian Federation. URL: <https://судебныерешения.рф/94774464> (accessed: August 5, 2026).

[8] Appellate Ruling of the Irkutsk Regional Court in Case No. 33-2305/2026 dated February 24, 2026 // Irkutsk Regional Court. URL: https://oblsud--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=74470294&case_uid=09d2c1e0-7403-4379-8717-18e07f22786a&result=1&delo_id=5&new=5 (accessed: August 5,

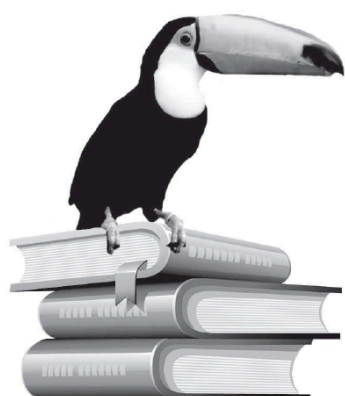
2026).

[9] Decision of the Alapayevsk City Court of the Sverdlovsk Region in Case No. 2-9/2026 (2-492/2025) dated February 13, 2026 // Judicial Decisions of the Russian Federation. URL: <https://судебныерешения.рф/89357739> (accessed: 05.08.2026).

[10] Appellate Ruling of the Supreme Court of the Chechen Republic in case No. 33-132/2026 dated 12.02.2026 // Supreme Court of the Chechen Republic. URL: https://vs--chn.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=2991136&case_uid=96d76747-f00b-4a40-bfc3-c29603f4ff7d&delo_id=5&new=5 (accessed: 05.08.2026).

[11] Decision of the Zamoskvoretsky District Court in case No. 02-304/2026 dated 30.01.2026 // Official Portal of the Courts of General Jurisdiction of the City of Moscow. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/zamoskvoreckij/services/cases/civil/details/00029fe1-9d4d-11f0-b949-c1eecd112e07?caseNumber=02-304/2026> (accessed: 05.08.2026).

[12] Decision of the Leninsky District Court of Nizhny Novgorod in case No. 2-15/2026 (2-1974/2025) dated 23.01.2026 // Judicial Decisions of the Russian Federation. URL: <https://судебныерешения.рф/88937943> (accessed: 05.08.2026).

ЮРКОМПАНИ

www.law-books.ru

Юридическое издательство
«ЮРКОМПАНИ»

Издание учебников,
учебных и методических
пособий, монографий,
научных статей.

Профессионально.

В максимально
короткие сроки.

Размещаем
в РИНЦ, Е-Library.